

НАУЧНЫЙ СТАТУС КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ПСИХОЛОГИИ

Н.П. БУСЫГИНА*

В статье поднимается проблема научного статуса качественных методов в психологии в свете различных образов науки. Качественные исследования рассматриваются в связи с формированием в психологии гуманитарной парадигмы, противопоставляющей себя парадигме естественнонаучной. Концептуализация понимания в перспективе методического индивидуализма (понимание как вчувствование) оставляет сомнительным научный статус основанной на методе понимания гуманитарной психологии, в то время как его преодоление в рамках коммуникативной рациональности позволяет обосновать научный статус гуманитарной психологии и ориентированных на нее качественных методов. В статье проанализированы возможные методологические следствия ориентации психологического исследования на коммуникативную рациональность и обсуждается в этой связи вопрос контроля валидности качественных исследований в психологии.

Качественные эмпирические методы исследования получают все большее признание среди представителей социально-гуманитарного знания в целом и психологии в частности. За последние два десятилетия значительно возросло число публикаций, посвященных особенностям планирования, проведения и анализа результатов качественных исследований, причем, как правило, подобные работы носят междисциплинарный характер (Квале, 2003). Однако, несмотря на растущую популярность этих методов в социально-гуманитарных науках, в психологии исследования с их использованием продолжают носить маргинальный характер. Это обстоятельство связано, на наш взгляд, с проблематичностью самого на-

* *Бусыгина Наталия Петровна* – старший научный сотрудник, старший преподаватель МГППУ.

учного статуса качественного исследования: данные, полученные на основе применения качественных методов, трудно вывести в интерсубъективную плоскость, а потому остается под вопросом и проблема получения универсально-значимых научных высказываний (*Дружинин, 1994*).

Ниже мы попытаемся прояснить, насколько знание, полученное с помощью качественных методов исследования, обладает научной значимостью, а также каковы правила и критерии контроля валидности такого знания. С этой целью мы, во-первых, рассмотрим использование качественных методов в психологии в свете классической и неклассической науки и, во-вторых, имея в виду, что их применение непосредственно связано с развитием в психологии гуманитарной парадигмы, обратимся к проблеме достоверности знания, как она решается в современной методологии социально-гуманитарного познания. Наконец, в завершение нашей работы мы попытаемся сформулировать некоторые принципы контроля валидности знания, получаемого с применением качественных методов.

Психологическое исследование и идеалы научности

Во второй половине XX века стало актуальным разделение классической и неклассической рациональности (*Мамардашвили, 1994; Мамардашвили, Соловьев, Швырев, 1972; Швырев, 2004*), классического и неклассического идеалов научности (*Завершинева, 2001; Психология и новые идеалы научности, 1993*), классической, неклассической и постнеклассической науки (*Степин, 1996; 2000*), классической и неклассической эпистемологии (*Лекторский, 2001*).

Одной из характерных черт классической науки, ориентирующейся на классическую рациональность констатирующего сознания (*Швырев, 2004*), является представление о четком субъектно-объектном разделении и важности сформированного на этой основе концепта объективности знания. Классическое сознание отталкивается от идеи абсолютного наблюдателя, который, как бы со стороны созерцая мир, способен «схватить» в нем его истинную сущность. Объективность знания обеспечивается полным, как онтологическим, так и гносеологическим, исключением субъекта из научной картины мира (*Тхостов, 2002*). Онтологическое исключение субъекта означает, что предметом классической науки может стать лишь «голая» материальность, очищенная от каких-либо признаков интенциональной субъективности. Второе – гносеологическое – исключение субъекта предполагает, что объективность и предметность знания достигаются лишь тогда, когда из описания и объяснения будет

исключено все, что относится к средствам и процедурам познавательной деятельности (Степин, 1996). Эти процедуры принимаются как раз и навсегда данные, неисторичные, и их применение приводит к построению абсолютно истинной картины действительности.

Безусловно, в перспективе классической науки сложно говорить о достаточной научной ценности качественных методов психологического исследования, во-первых, по той причине, что их применение ориентировано на познание субъективного мира, обладающего интенциональными характеристиками (а не объективного мира фактов), и, во-вторых, с учетом того, что знание, получаемое с их помощью, зависит от точки зрения познающего субъекта.

Однако ориентация на неклассический образ науки позволит нам несколько по-иному оценить научный статус интересующих нас методов исследования. Как уже было сказано, классическая наука является частью рациональности констатирующего сознания, которое направлено, прежде всего, на изучение наличного бытия. И критика подобной рациональности связана в первую очередь с пониманием того, что постигаемая реальность не есть нечто абсолютно независимое от познающего субъекта: она создается в результате самого процесса познания. Между разумом и бытием существуют посредники – язык и деятельность. Реальностью, с которой имеет дело неклассическая рациональность, является не налично-данная ситуация, но ситуация проблемная, в которой мы присутствуем и которую мы сами в некотором смысле создаем, конструируем – посредством языка и деятельности. Поэтому неклассическую рациональность можно с полным правом назвать рациональностью проектно-конструктивного сознания (Швырев, 2004). Можно сказать, что здесь преодолевается классическая диспозиция субъекта-объекта, при которой взор субъекта как бы направлен на нечто, лежащее вне его. Меняется онтология рациональности, и предметом рационального сознания становится взаимоотношение субъекта с реальностью (Швырев, 2004).

Один из излюбленных примеров, демонстрирующих особенности неклассического научного познания, – принципы неопределенности и дополненности в квантовой механике (Завершнева, 2001; *Психология и новые идеалы научности*, 1993). Напомню, что в квантовой физике корпускулярный и волновой подходы традиционно считаются взаимно дополнительными, не сводимыми друг к другу типами описаний: веществу одновременно присущи и свойства волны, и свойства частицы. Но невозможно исследовать оба эти аспекта в рамках одного эксперимента, поскольку для регистрации каждого из них необходимы соответствующие ему условия и измерительные средства. Интерпретации подобного поло-

жения дел, данные такими физиками, как В.Гейзенберг и Н.Бор, приближительно следующие: в квантовой теории рассматриваются такие процессы, которые словно бы «вспыхивают» только в моменты их наблюдения, тогда как в промежуточное между наблюдениями время физические высказывания о них не имеют смысла. Иными словами, мы не можем сделать выводы о существовании физических объектов безотносительно к процессу наблюдения, поскольку именно наблюдение конституирует реальность (*Завершнева, 2001*).

Кстати, с интерпретацией квантовой реальности, которую давала школа Н.Бора, был не согласен А.Эйнштейн. Он настаивал, что боровское решение проблемы с помощью принципов неопределенности и дополненности – лишь временные «леса» вокруг здания будущей физики, в которой вновь будет восстановлен принцип детерминизма и статус физической реальности, существующей независимо от действий исследователя, с чем, в свою очередь, не соглашался Бор. К.Хюбнер в «Критике научного разума» показывает, что данный спор имел исключительно философские предпосылки. По его мнению, философские идеи Эйнштейна связаны с картезианской традицией, а Бора – с ее преодолением, в частности в философии Кьеркегора (*Хюбнер, 1994*).

Для нас здесь важно, что интерпретация Н.Бора стала образцом неклассического научного познания, которое ряд психологов конца XX – начала XXI века считают единственно адекватным для развития психологической науки. В частности, А.А.Пузырей высказывал точку зрения, что неклассичность исследовательских ситуаций в психологии еще более радикальна, чем в квантовой физике (*Психология и новые идеалы научности, 1993*). Во всех областях психологии, включая психофизиологию, включенность исследователя принципиально неустранима из ситуации исследования – везде мы имеем психотехническое изменение изучаемой психики процедурами исследования. Поэтому по отношению к психологическим исследованиям, утверждает Пузырей, нужно формулировать нечто вроде боровского принципа дополнительных описаний: невозможно дать единообразное описание плана изучаемых психических феноменов и плана психотехнических действий, а также средств их осуществления. Полное описание неклассической ситуации психологического исследования требует как психологического, так и психотехнического описаний изучаемого объекта (*там же*).

Другие авторы рассуждают о дополнительных языках описания еще более радикально. Подчеркивается, например, что, принимая принципы микрофизики в качестве общеметодологической рамки для будущей психологии, мы можем прийти к отказу от попыток найти универсальную

методологию психологии (или даже любой другой науки). Различные «психологии» конструируют свою психологическую реальность, которая порождается параллельно процессу ее исследования. Психологические выводы могут быть сделаны в рамках различных «языков», дающих не взаимоисключающую, но дополнительную картину происходящего (*Бермус*, 1998). С позиции, обозначенной А.В.Юревичем как методологический либерализм (*Юревич*, 2001), не нужно искать единой психологии, которая бы точно описывала независимую от исследователя психическую реальность. «Наука развивается путем “угадывания” и “раскручивания” догадок; чем больше версий, тем больше шансов угадать», а потому «“пусть прорастают все цветы” – будь то бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности или что-то еще» (*там же*, с.14).

Зададимся вопросом, принципиальным для нашего исследования: можно ли предъявлять претензии качественным методам в случае, если интерпретации, которые сопровождают полученные с их помощью данные, окажутся различными у разных исследователей? Вероятно, подобные претензии уместны лишь при условии нашей убежденности в том, что высказывание должно иметь единственно правильное объективное значение, и, следовательно, цель интерпретации – отыскать это единственно истинное значение. Однако мы уже выяснили, что знаем о любой реальности лишь в перспективе отношения с этой реальностью. С позиций неклассической рациональности, мир – это коллаж, множественность, требующая для своего раскрытия разные подходы и разные точки зрения. Понимание текста – всегда диалог. Существует множество вопросов, которые можно задать тексту, причем разные вопросы ведут к различному его пониманию (*Квале*, 2003). Можно сказать, что основной проблемой для качественных исследований является не многообразие интерпретаций, а недостаточно ясно сформулированные вопросы к тексту. С.Квале различает предвзятую субъективность и субъективность разных взглядов. Первая означает просто неряшливую и ненадежную работу, когда исследователь замечает только те факты, которые подкрепляют его мнение, и пропускает все, что им противоречит. О субъективности взглядов можно говорить тогда, когда исследователи с разными взглядами ставят разные вопросы к одному и тому же тексту и приходят к различным интерпретациям его смысла (*Квале*, 2003).

Контроль анализа основан на экспликации процедуры: исследователь как бы «выкладывает карты на стол», дает ясное описание того, как именно он анализировал текст. О подобном типе контроля пишет А.Джорджи (A.Giorgi): «...контроль вытекает из контекста исследователя и его взгляда на данные. Если известны контекст и намерение, то, как правило, рас-

хождения всем понятны, даже если не все с ними соглашаются. Таким образом, основное, что надо помнить об этом типе исследований, состоит не столько в том, может ли быть принята другая позиция в отношении данных (этот пункт принимается прежде всего), сколько в том, может ли читатель, принимающий точку зрения, которую защищает исследователь, увидеть то, что видел исследователь, согласен он с его мнением или нет. Это основной критерий для качественного исследования» (цит. по: /Квале, 2003, с.207/). Иными словами, проводя качественное исследование, мы должны эксплицировать собственные взгляды на текст и уточнить вопросы, которые мы ставили к тексту, так чтобы предполагаемый читатель (допустим, психологическое сообщество) смог понять наш замысел и последовать за нами (даже если сам при этом придерживается иных взглядов).

Следует сказать, что для постсовременной познавательной ситуации, которую можно обозначить термином «постнеклассическая», характерно не только понимание неотвратимости включенности субъекта в постигаемую реальность, но и своеобразные попытки «возврата к вещам». Безусловно, было бы неверно трактовать подобные попытки как позицию наивного реализма. Новизна постнеклассических стратегий состоит в новом понимании самой «вещи», объекта, который наделяется «человекообразными» свойствами, такими как многопрофильность, открытость, нестабильность, историзм (Степин, 2000). Предметом все более пристального внимания науки становится своеобразное со-творчество человека и природы, идея ко-эволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, собеседников в незапрограммированном диалоге (Степин, 2000; Столярова, 2003).

У.Эко (Эко, 2004) предлагает интересную мыслительную аналогию между современной познавательной ситуацией и появившимися в искусстве XX века так называемыми «открытыми произведениями», представляющими собой незаконченные творения, которые для своего завершения нуждаются в со-творчестве читателя или зрителя. Он распространяет эту аналогию также и на самое осознание в эстетике того факта, что, в сущности, любое значительное произведение искусства, сколь бы структурированным оно ни было, всегда принципиально неоднозначно, а потому «открыто». Причем, следует подчеркнуть, что сам Эко мыслит далеко не наивно-натуралистически, и для него «открытое произведение» представляет собой не реальность, но лишь гипотетическую модель, позволяющую с помощью гибкой и подвижной формулы указать, в каком направлении развивается современное искусство. Эко рассматривает ху-

дожественную форму как эпистемологическую метафору, иными словами, с его точки зрения, способ структурирования художественных форм отражает («в виде подобия, метафорически, посредством разрешения понятия в образе») способ, с помощью которого наука или, во всяком случае, культура в ту или иную историческую эпоху воспринимают реальность. «Открытость» художественного произведения по-своему отражает мучительную заботу современной культуры мыслить неопределенность.

Мы можем немного продвинуться по пути, который прокладывает для нас мысль У.Эко. «Открытое произведение» может стать эпистемологической метафорой противоборствующих тенденций в современном научном познании. С одной стороны, оно предполагает релятивизм различных перспектив восприятия: не имея закрепленной физической формы, оно подвержено непредвиденным структурным изменениям и с каждым новым актом восприятия конструируется заново. Следуя предложенной Эко мыслительной аналогии, мы можем увидеть в этом тенденцию глубоко осознавать принципиальную конструируемость познаваемого мира. Вместе с тем, открытое произведение, имея в виду «призыв к свободе истолкования, к счастливой неопределенности развязок, к дискретной непредсказуемости вариантов выбора» предполагает, как пишет У.Эко, не хаос отношений, но правило, которое позволяет их организовать (Эко, 2003). Аналогичным образом универсум предполагает собственную организованность или, во всяком случае, возможность собственного самодвижения, что и обуславливает, в свою очередь, его сопротивляемость по отношению к определенным языкам описания. Некоторые современные методологи науки даже высказывают мысль, что объективность научного знания непосредственно связана с этой сопротивляемостью объекта (Латур, 2003).

Таким образом, противоречивые тенденции современной ситуации познания, представление о которых дает нам ее эпистемологическая метафора – «открытое произведение», – заключаются, с одной стороны, в постулировании конструирующей роли сознания¹ и в попытках преодолеть проектно-конструктивную познавательную установку (и тем самым модернистский принцип субъекта), с другой. Если первая тенденция получает в психологии форму движения к почти произвольному конструи-

¹ В неклассических формах познания, как мы уже видели, внимание смещается, выражаясь словами М.Хайдеггера, с предмета на сам процесс опредмечивания, что продолжает то «событие поставы», которое Хайдеггер характеризует как неотъемлемую черту новоевропейского человека.

рованию различных картин психической реальности и «методологическому либерализму», то вторая – форму антирелятивистских попыток приблизиться в человеке к тому, что он есть в своей истине, которая, тем не менее, способна раскрываться (выходить в «непотопляемое») в экзистенциальных ситуациях диалога и встречи. В первом случае мы предполагаем, что без наших установочных процедур, намеченных к выполнению, без теоретических мифологем человек сам по себе как бы и не существует. Во втором – мы нащупываем методологию, которая бы исходила из неких «пределных смыслов человеческого бытия», тем самым, преодолевая как классический наивный реализм, так и неклассический релятивизм (*Психология и новые идеалы научности*). Как пишет А.А.Пузырей, «в человеке есть загадочная сила, которая «болеет» за него, которая его как бы ведет, не оставляя места произволу и релятивизму». В такой «хайдеггерианской» перспективе глобальная задача психологии – «исправлять пути для идущего навстречу откровения». «Через выслушивание мы исправляем пути к присутствию в этом мире, приводим к осуществлению в нем некое новое духовное существо» (*Психология и новые идеалы научности*, с.36-37). Правда, некоторые авторы, развивая подобный «экзистенциалистский» проект гуманитарной психологии, утверждают, что он принципиально не вписывается в научную традицию и может найти себе место лишь в универсуме традиции общегуманитарной, являющейся ядром совершенно иного, чем наука, духовного целого (*Воробьева, 2004*).

Безусловно, отмеченные нами попытки мыслить психологию, исходя из хайдеггерианского «пребывания в истине бытия», имеют для самой психологии (и тех, кто сделал ее частью своей жизни) колоссальное мировоззренческое значение, поскольку позволяют противостоять проектно-конструктивной установке техногенной цивилизации. Нельзя сказать, что эти попытки совсем преодолевают последнюю, однако, предлагая альтернативную картину научного мышления, без сомнения, лишают ее универсальности.

Другое дело, насколько понимание познания как встречи, выводящей истину в «непотопляемое», способно направлять конкретные научные исследования. Ведь, в конечном счете, размышляя в духе «истины бытия» и «откровения», мы приходим к тому, что для осуществления контроля собственных интерпретативных действий нам не на что опереться. Думаю, что проблема релятивизма и гиперинтерпретации может быть решена в более традиционной рациональной плоскости, задаваемой коммуникативными и прагматическими критериями.

Проблема достоверности знания в гуманитарной («понимающей») психологии. «Коммуникативная рациональность» как возможная предпосылка «понимающей» психологии

Ориентацию на применение качественных методов психологического исследования мы связываем с развитием в психологии гуманитарной парадигмы (*Братусь*, 1990; *Воробьева*, 1995; 2004), противопоставляющей себя парадигме естественнонаучной, которая, по мнению ряда исследователей, обнаружила свою несостоятельность (*Психология и новые идеалы науки*). Однако, на наш взгляд, подобные утверждения чересчур категоричны. В свете современной познавательной ситуации сложно говорить об абсолютной ценности (либо, напротив, абсолютной несостоятельности) психологических парадигм, с точки зрения их соответствия некому абсолютно понимаемому объекту психологической науки. Методологические перспективы в науке (или парадигмы) имеют исторически переходящий характер. Они связаны с определенными наборами культурных, мировоззренческих, философских, социальных и т.п. предпосылок. Говорить о ценности той или иной парадигмы и ее прогрессивном характере можно лишь, исходя из целостной культурно-исторической ситуации (*Хьюбнер*, 1994).

Можно сказать, основная ветвь психологии до сих пор ориентируется на позитивистский образ науки. Этот образ настолько доминирует в психологических исследованиях, что некоторые авторы говорят о «позитивистском перенапряжении», свойственном психологии (*Юревич*, 2001). Впрочем, следует оговориться, что отмеченное перенапряжение возникает вследствие того, что психология не может соответствовать принятым ею стандартам. Многие «мифологемы» позитивизма, на которые ориентируется психология (например, «экзогенная» концепция знания /*Джерджен*, 1995/, согласно которой научное знание базируется на твердых эмпирических фактах, независимых от теории и имеющих самостоятельное значение, а теории принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку эмпирическим опытом), в современной методологии науки можно считать преодоленными. Однако свойственный позитивизму акцент на каузальном объяснении (в его противоположности телеологическому пониманию) как основной цели научных исследований и для современного понимания науки играет важнейшую роль. Можно сказать, что дискуссия между сторонниками «объяснения» и «понимания» в социальных науках до сих пор имеет место.

Попробуем обозначить основные тенденции, характерные для методологии науки XX столетия. Во-первых, в концепции знания усиливаются «эндогенные» черты, преодолевается представление о знании как ментальной копии реальности; как пишет Д.Полкингорн, вся методология науки – это история постепенного разрушения мифа о том, что можно получить знание об объективной реальности, существующей самой по себе, в результате применения объективного научного метода (*Polkinghorne, 1989*). Знание все более понимается как результат активной деятельности субъекта познания, своего рода конструкт, в создании которого важнейшая роль принадлежит языку (*Джерджен, 1995; Квале, 2003; Фридман, Комбс, 2001*). Во-вторых, намечается переход от эпистемологии экспериментальной к эпистемологии социальной (*Джерджен, 1995; Харре, 1992*); преодолевается представление о знании как результате индивидуальных усилий познающего, способного выходить на уровень универсального субъекта познания; знание начинает пониматься как результат соглашения и то, что оказывается полезным для достижения определенных результатов в локальных условиях; иными словами, концепция истины как соответствия реальности уступает место коммуникативному и прагматическому критериям истины (*Квале, 2003; Issues of Validity in Qualitative Research, 1989*). С другой стороны, в методологии XX века можно проследить попытки сохранить эмпиризм как основу науки и ориентацию на корреспондентный критерий истины, а также возможность логической реконструкции развития науки и универсально-рациональные (логические) способы оценки научных теорий (*Лакатос, 2003; Понпер, 2003*).

Следует сказать, что отмеченные умонастроения в отношении науки прослеживаются и по сей день. И сегодня радикальным конструктивистским воззрением на науку, подчеркивающим роль исторических, социальных и социально-психологических факторов в постановке и решении научных проблем, противостоят достаточно фундаменталистские попытки рассматривать ее как универсальное предприятие, достижения которого могут и должны оцениваться с точки зрения универсальных критериев. Достаточно вспомнить хотя бы продолжающуюся полемику двух друзей – Д.Деннета с Р.Рорти. Первый заявляет о необходимости спасения мира от «вируса постмодернизма», которым, как он выражается, оказался зараженным и его друг Ричард, смотрящий на науку лишь как на род «разговора» внутри локального сообщества с присущими ему ценностями (*Деннет, 2001; Юлина, 2001*). Думается, следствием подобных дебатов должна стать позиция, которая, ориентируясь на вполне рациональные ценности модерна, учитывала бы при

этом критику универсального субъекта, характерную для культуры постмодерна. На наш взгляд, интерес в этом отношении представляет проект коммуникативной рациональности, развиваемый, в частности, Ю.Хабермасом (*Хабермас, 2003*).

В целом методологические исследования науки в XX веке позволяют нам говорить о ней как о систематическом знании, которое, в противовес позитивистскому образу науки, не является абсолютно достоверным и обоснованным; в основании науки лежат разного рода соглашения (или конвенции); «экзогенная» концепция знания, свойственная позитивизму, сменяется «эндогенной»: как утверждает К.Хьюбнер, эмпирические факты вытекают из априорных форм аргументации. Однако, в отличие от И.Канта, для которого априорные формы неизменны, являясь чем-то вроде сущностной особенности человеческой природы, сейчас стоит говорить, что и априорное также включено в историческое движение мысли (*Хьюбнер, 1994*). Не существует ни вечной истины, ни рациональности «вообще»; но большое значение имеет истина, соотносимая с системой априорных предпосылок, имеющих культурно-исторический характер. Знание – это знание не о каком-то объекте, обладающем абсолютно независимым существованием, но об объекте, рассматриваемом с точки зрения ряда принципов, постоянно обновляющихся. Рациональные решения имеют исторический характер, поскольку всегда обусловлены историческими обстоятельствами. И судить о целях и допущениях можно только в некотором конкретном контексте.

Исходя из обозначенного понимания познавательной ситуации, мы можем задаться вопросом о предпосылках того типа рациональности, который стал доминирующим в психологических исследованиях. Какие факторы культурно-исторического характера стали решающими для становления естественнонаучной (количественной) парадигмы психологических исследований?

Как научная дисциплина, психология сформировалась во второй половине XIX столетия, а основные принципы исследования, построенные на применении методов математической статистики, сложились в первой четверти прошлого столетия. Именно в это время в культуре отчетливо оформляется особое отношение к человеку как к объекту рациональной регуляции. Во-первых, развитие товарно-денежных отношений создает такую культурную атмосферу, в которой человеческие качества становятся товаром, имеющим денежный эквивалент, и, следовательно, приобретают статус количественных, калькулируемых объектов (*Степин, 2004*). Во-вторых, как показывает М.Фуко, меняется тип власти: открытая власть суверена, основанная на страхе казнимого

и пытаемого тела, уступает место «микрофизике власти», реализуемой в практиках регуляции и дисциплинирования социального тела (Степин, 2004). Человек выступает как предмет, который нужно исследовать и рационально регулировать при помощи правил. Психологические знания в этом контексте становятся своеобразными регулятивами, они задают научно выверенные (к науке есть доверие!) нормативные рамки; говоря несколько огрубленно, они выполняют социальный заказ, становясь частью «знания-власти», нормализующей и дисциплинирующей человеческую субъективность.

На наш взгляд, логика психологических исследований, основанных на сравнении групп посредством применения методов математической статистики, имеет прямое отношение к описываемым Фуко формам «знания-власти». Не случайно первые исследования с использованием статистических методов были посвящены обоснованию расовых различий между людьми: и Гальтон, и Пирсон, и Фишер не были заинтересованы в разработке методов статистической оценки самих по себе; то, что их действительно волновало, была евгеника и принципы улучшения человеческой породы. Любое статистическое психологическое исследование строится таким образом, чтобы в результате его проведения нами были получены значимые различия между группами – именно предположение таких различий составляет содержание экспериментальной гипотезы. Благодаря логике статистического исследования мы получаем мощный инструмент конструирования объективных различий тех групп людей, которые по отношению к доминирующим группам выступают как «другие» (либо мощный инструмент легитимации собственных действий, если группа, подвергнутая нашим «нормализующим» манипуляциям, отличается от той, которая им не подвергалась). Само формирование и название группы предполагает конструирование этой инакости: ведь в центре нашего внимания всегда – отличие исследуемой экспериментальной группы от нормативной контрольной.

Впрочем, связь психологических исследований с дисциплинарными практиками и осуществлением знания-власти, конструирующей и регулирующей человеческую субъективность, – тема отдельного исследования. Здесь хотелось лишь коснуться того важного, на наш взгляд, положения, что рациональность, лежащая в основе доминирующего типа психологических исследований, не является абсолютной, а представляет собой лишь ее возможную форму, во многом обусловленную конкретными культурно-историческими и социальными обстоятельствами.

Если количественные исследования в психологии во многом связаны со свойственным техногенной цивилизации стремлением калькули-

ровать человеческие качества и изменениями в формах власти, то интересно задаться вопросом, насколько ориентация на качественные методы свободна от затронутой идеологии в отношении к человеку? С одной стороны, в лице качественной методологии мы имеем практику, значительно в большей мере окрашенную тонами гуманизма. Однако, как утверждает Фуко, гуманизм – обратная сторона террора. Гуманизм связан с тонкими формами осуществления власти, мишенью которой теперь становятся самые глубинные формы субъективности. Власть оказывается вездесущей, поскольку проникает повсюду. Достаточно вспомнить, что качественная методология, пожалуй, впервые зарекомендовала себя в психологии в контексте маркетинговых исследований (Квале, 2003). «В обществе потребления обширные знания о переживаниях, смыслах, чувствах, желаниях и жизненных стилях потребителей очень важны для планирования и продажи товаров потребления. Эмпатическое раскрытие переживаемых смыслов и принятие точки зрения потенциального потребителя облегчает манипулирование его покупательским поведением» (Квале, 2003, с.77). Таким образом, можно сказать, что качественные методы психологического исследования – могущественный инструмент получения знаний о глубинных переживаниях людей, и их становление связано с формированием утонченных форм власти. «Психология – вся психология – это департамент полиции; психодинамика и гуманистическая психология – это тайная полиция» (P.Richer, цит. по: /Квале, 2003, с.78/).

И все-таки следует говорить и об альтернативных «овещняющему» отношению к человеку мировоззренческих координатах качественного гуманитарного подхода в психологии. Следуя Ю.Хабермасу, связавшему знание с типом интереса (Хабермас, 2003), можно сказать, что если естественнонаучная парадигма в психологии характеризуется интересом к техническому знанию, направленному на предсказание и контроль над объективными процессами, то гуманитарная парадигма подвижна интересом к пониманию и эмансипации.

Как мы выяснили, научная рациональность опосредована системой предпосылок общекультурного, социального, философского и т.п. порядка. Основными интеллектуальными предпосылками количественного подхода в психологии являются субъект-объектное разделение (приверженцы естественнонаучного подхода считают его необходимым и для наук о человеке) и методический солипсизм (или методический индивидуализм) – позиция, суть которой состоит в том, что для постижения себя и мира человеку не требуется коммуникация с другими субъектами, познание осуществляется уединенным субъектом.

Попробуем для начала пояснить, почему идея единой науки, как она высказывается в близких позитивизму движениях, имеет своей предпосылкой методический индивидуализм (солипсизм).

Заметим, прежде всего, что методический солипсизм является наследством новоевропейской мысли. Примером позиции методического солипсизма может стать обоснование познания у Р.Декарта (*Апель*, 2001). Познающий субъект Декарта не нуждается ни в языке, ни в традиции. Декарт постулирует субъекта, постигающего суть мира в интуитивном акте доязыковой интроспекции, забывая о том, что мышление «всегда уже опосредовано реальным коммуникативным сообществом... существование которого должно логически предполагаться даже в том случае, если бы мыслитель был последним оставшимся в живых представителем этого сообщества» (*там же*, с.246).

Идея, от которой отталкиваются приверженцы единой объективистской науки (Витгенштейн периода «Трактата», венские неопозитивисты, представители *logic of science*) и которая восходит, пожалуй, к Лейбницу, на первый взгляд кажется полярно противоположной солипсизму. Согласно этой идее, слова языка являются не солипсистскими обозначениями частных представлений, а «счетными записями» некоего а priori интерсубъективного языка исчисления (например, у Витгенштейна (*Витгенштейн*, 1994а) все, кто пользуется языком, имеют в виду одно и то же – это гарантировано самой системой языка). Тем не менее, здесь тоже речь идет о частном, лишенном выхода в коммуникацию, использовании языка, о частной, лишенной рефлексивности актуализации уже заранее данной системы, осуществляемой абсолютно уединенным исследователем, т.е. мы опять сталкиваемся с методическим солипсизмом (*Апель*, 2001).

Что касается гуманитарной парадигмы в методологии социальных наук, то впервые она начинает звучать в связи с проблематикой понимания как метода наук о духе (*Дильтей*, 2000; *Крипнер, де Карвало*, 1993; *Нидлмен*, 1999). В работе «Введение в науки о духе» В.Дильтей противопоставляет естественным наукам, основанным на объяснении явлений, науки гуманитарные, основным методом которых должно стать понимание (*Дильтей*, 2000). В отличие от естествознания в понимающих науках мы не привносим логику объяснения извне, а стараемся путем вчувствования, вживания в объект исследования постичь его собственную логику, то, как он сам себя понимает и какие смысловые интенции он до нас хочет донести.

Следует подчеркнуть, что предпосылкой размышлений Дильтея о гуманитарных науках является тот же методологический индивидуализм.

Согласно самому Дильтею, «один-единственный индивид, ступающий по земле, ... при достаточной для развития продолжительности жизни, даже в полном одиночестве развил бы из себя эти функции» (т.е. философию, религию и искусство) (*Дильтей*, 2000, с.723). В этой перспективе понимание трактуется Дильтеем как не опосредованное языком (почти мистическое) вчувствование, вживание, когда один субъективный мир постигается другим субъективным миром путем подстановки себя на место первого. При этом предполагается, что у понимаемого есть единый смысл, который мы непосредственно схватываем.

Таким образом, предпринятые В.Дильтеем попытки обоснования специфики наук о духе как наук преимущественно понимающих, а не объясняющих, преодолевали субъект-объектное разделение, присущее естественнонаучному подходу, но, как можно думать, оставались в плену методологического индивидуализма (*Апель*, 2001). Именно последнее обстоятельство и не позволило, на наш взгляд, оформить научный статус метода понимания.

В обрисованной нами индивидуалистической перспективе обоснование научности методов понимания, на которые ориентируется гуманитарная психология, затруднено, поскольку понимание, психологически понятое как «вчувствование», всегда зависит от субъективного характера опыта того, кто понимает, и приемы интерсубъективной верификации оказываются к нему не приложимы.

Однако во второй половине XX века стала активно формироваться иная система предпосылок, которую можно обозначить термином «коммуникативная рациональность» (*Хабермас*, 2003). Коммуникативную перспективу в методологии социально-гуманитарных наук открывают работы Л.С.Выготского, М.М.Бахтина, позднего Л.Витгенштейна, П.Уинча, Ю.Хабермаса, К.-О.Апеля, социальных конструкционистов. В рамках коммуникативной рациональности по-иному выглядит проблематика понимания, а также научности гуманитарной парадигмы в социальных науках, в том числе в психологии.

Познающий субъект не бывает одинок, ведь человеческое мышление всегда опосредовано знаками, на которых лежит печать их социального употребления (*Выготский*, 2003). Более того, оно имеет коммуникативную природу, поскольку оказывается результатом интериоризации интерсубъективных отношений, переводом диалога во внутреннюю плоскость, по Выготскому. Язык – это живое слово, ждущее отклика и само являющееся откликом (*Волошинов*, 2000). Когда мы говорим, формируем высказывание, мы слышим голоса тех, кто может на него откликнуться. Эти голоса – то, к чему мы, даже мысля в полном одиночестве, адресуемся,

если, конечно, хотим, чтобы написанное нами было понято и вообще имело смысл (Шоттер, 1996).

Одна из гениальных попыток преодоления методического индивидуализма совершена Л.Витгенштейном в его поздний период творчества (время «Философских исследований») (Витгенштейн, 1994б). Созданная им концепция языковых игр и принадлежащий ему тезис о невозможности приватного языка открыли перспективу для нового («непсихологического») обоснования понимающих наук о духе.

Обосновываемая рядом авторов (Уинч, 1996; Апель, 2001) антииндивидуалистская (антисолипсистская) перспектива имеет, на наш взгляд, колоссальное значение, поскольку формирует систему предпосылок, позволяющую выстраивать новое поле исследовательской «игры», где действуют свои правила и должны быть отрефлектированы свои (коммуникативные и прагматические) критерии оценки значимости выдвигаемых пропозиций.

Взамен единого языка, приверженцем которого Витгенштейн был в период написания «Трактата», поздний Витгенштейн постулирует бесконечное количество языковых игр – различных, но родственных друг другу конкретных «единств словоупотребления» (Витгенштейн, 1994б). Для нас в модели «языковой игры» важно положение, согласно которому значения слов и выражений конституируются их языковым употреблением. Иначе говоря, здесь акцентируется прагматический аспект языка: нет осмысленности самой по себе, осмысленность обретается в рамках конкретного языкового употребления.

Какое значение прагматическая модель языка Витгенштейна имеет для концептуализации «понимания»? Дело в том, что Витгенштейн дает возможность мыслить понимание, не прибегая к психологическому понятию «вчувствования в интенцию». В его модели языковых игр приоритет принадлежит не отдельному индивиду и его субъективному опыту, но индивиду, включенному в социальные практики. Как пишет Апель, Витгенштейн обращает внимание на то, что «означающая функция слов благодаря социальному употреблению языка закреплена таким образом, что намеренное подразумевание не только излишне, но и едва ли имеет шанс протащить свою интенцию в противовес означающей функции» (Апель, 2001, с.89).

Формой своего значения язык обязан прагматике его употребления людьми в определенной жизненной ситуации. Именно отсюда возможно заново продумать проблематику понимания, как она звучит в традиции обоснования специфики гуманитарных наук.

Собственно, это и делает, например, П.Уинч (Уинч, 1996). Двигаясь в логике Витгенштейна, он возвращается к тезису Дилтея, где утверждается, что понимание человеческой жизни отличается от объяснения отличных от человека явлений природы, но при этом мыслит понимание, исходя из структуры языковой игры (а не как психологическое «вчувствование» в душевный мир другого). Но что дает такой ход? При ответе на этот вопрос необходимо подчеркнуть, что разбираемая перспектива обсуждения позволяет во многом отвести те обвинения в «ненаучности», которые навлекает на себя категория «понимания». Последнее выходит из замкнутости субъективной сферы (с ее «сопротивляемостью» методам верификации) – в сферу интерсубъективных смыслов, где вполне возможно обдумывание критериев оценки точности понимания. В конечном счете, она и объявляется собственной сферой наук о духе (Salner, 1989; Taylor, 1979).

Л.Витгенштейн противопоставляет методическому солипсизму всей западноевропейской традиции тезис о невозможности частных языков (невозможно следовать правилу, созданному лишь для самого себя, ориентируясь на мерки, доступные интроспективно). Что будет, если кто-то пожелает для выражения лишь ему доступного опыта (например, боли) ввести лишь ему доступный язык, т.е. не сочетающийся по правилам с публичным языком? Он просто не будет располагать критериями правильного языкового употребления. Каким образом он сумеет установить, что сейчас имеет дело с тем же самым переживанием, с каким имел дело раньше (и, соответственно, может использовать то же самое слово для его обозначения)? Где способ проверки (критерий) того, что слово правильно применено? Ответ: только в языковом сообществе. («Что было бы, если бы люди не обнаруживали своей боли (не стонали, у них не искажалось бы лицо и т.д.)? Тогда нельзя было бы научить ребенка пользоваться словами “зубная боль”» /Витгенштейн, 1994б, § 257/).

Итак, частный язык невозможен. Это положение Л.Витгенштейна берет на вооружение П.Уинч, обосновывая специфику познавательной ситуации в науках о человеке. Уинч ставит следующий вопрос: как мы можем понять, что имеем дело с человеческим поведением, которому присуще следование некому правилу (поведение как человеческий язык)? Можем ли мы это разглядеть по внешнему виду или используя логику? Дело в том, что любые серии действий, которые способен совершать человек, можно подвести под ту или иную формулу (объяснить извне). Но то, что действия могут интерпретироваться как применение той или иной

формулы, само по себе не является гарантией того, что человек, совершающий эти действия, действительно применяет эту формулу (как не является и гарантией того, что мы действительно понимаем их). Критерий фактического наличия руководствующегося правилами (и поэтому осмысленного) поведения и правильного понимания этого поведения дает соотнесение его с публичной инстанцией (публичными правилами языковой игры, практиками, институтами). Кроме того, чтобы понимать поведение (как мы выяснили, всегда публичное, т.е. зависящее от языковой игры), исследователь сам должен принимать участие в этой игре. Если бы он наблюдал только снаружи, то никогда не мог бы быть уверен в том, что правила, которые он допускает при своем описании, тождественны тем, которым фактически следуют, согласно смыслу языковой игры (Уинч, 1996).

Итак, теория понимания как вживания, которая исходит из первичности внутреннего опыта отдельного человека, заменяется у Л.Витгенштейна и П.Уинча практическим участием в языковой игре. Более того, теперь можно сказать, что всякое самопонимание, которое в традиции «психологической герменевтики» (как глубинно-аналитической, так и экзистенциально-гуманистической) рассматривается в качестве важнейшей составляющей процесса понимания других, само опосредовано публичным правилом некоторой языковой игры и связанной с ней «формой жизни».

Однако существует, по крайней мере, одна сложность, с которой мы сталкиваемся, когда движемся в логике рассуждений П.Уинча. Согласно его теории, мы можем понимать эмпирические факты, если предварительно уже понимаем общие правила игры, делающие эти факты осмысленными. Но что делать, если речь идет о понимании абсолютно чуждого нам поведения, правила игры которого нам совсем не известны? Кроме того, как справедливо указывает К.Апель, науки о человеке, по Уинчу, могут подходить к пониманию своего предмета, используя лишь те понятия, какие принципиально могут быть поняты исследуемыми как членами соответствующего общества, – в терминах их языковых игр. Другими словами, мы имеем нечто вроде монадологии различных культурных миров, которые могут быть поняты, только исходя из их имманентных правил (Апель, 2001). Но тогда какое бы то ни было критическое вопрошание и оценка бессознательных интенций (а потому и целая психоаналитическая традиция) недопустимы, – ведь за пределами конкретных языковых игр, которые являются предельными горизонтами и мерилami возможных норм и их нарушений, нет критериев истинного и ложного (*там же*).

На наш взгляд, частично ответить на поставленные вопросы можно, обратившись к некоторым идеям Х.Г.Гадамера, К.-О.Апель и Ю.Хабермаса.

Согласно Л.Витгенштейну и П.Уинчу, понимание невозможно без предпонимания как дорефлексивного постижения языковой игры или формы жизни. Да, без предпонимания – понимания быть не может, соглашается Х.Гадамер, но далее вносит принципиальную поправку: между предпониманием и притязанием на смысл возникает «спор», который предстоит разрешить в интерпретации (*Гадамер*, 1988). В принципе, процедура понимания, подчиненная логике «герменевтического круга», – бесконечный процесс, который движем «предвосхищением совершенства» и на практике заканчивается, когда интерпретатору удастся добраться до осязаемого смысла, некоего «хорошего гештальта», свободного от внутренних противоречий (*Гадамер*, 1988; *Квале*, 2003).

Приватный язык действительно невозможен, поэтому во всех случаях понимания и критического вопрошания (а также создания новых «языков» и «жизненных форм») мы должны констатировать инстанцию, контролирующую человеческое следование правилу. Апель и Хабермас постулируют две «идеализации», позволяющие, оставаясь в плоскости «коммуникативной рациональности», избежать релятивизма отдельных «языковых игр» и «форм жизни». Это понятия «идеальной языковой игры безграничного коммуникативного сообщества» (*Апель*, 2001) и «идеальной ситуации речи», ведущей к столь же идеальной цели достижения «рационально мотивированного консенсуса» (*Хабермас*, 2003). Иными словами, поднимая вопросы, связанные с интерпретацией и пониманием, мы должны «предвосхищать структуру идеальной языковой игры, в которую могли бы играть все живые существа» (*Апель*, 2001, с.255).

Но насколько возможен «универсальный интересубъективный консенсус» относительно вопросов об истине, – задает вопрос Апель. Ведь *lingua universalis* до сих пор не построен, а напротив, имеет место плюрализм теорий. Отвечая на этот вопрос, он проводит различие между синтактико-семантическими языковыми системами и семанτικο-прагматическими языковыми играми, которые определяют, соответственно, лингвистическую и коммуникативную компетенции. Языковые системы представляют собой несоизмеримые условия или перспективы, однако о языковых играх, «если они понимаются как переплетенные с жизненной практикой прагматические квазиединства коммуникации или взаимопонимания», сказать такого нельзя. Рассчитывать на языковое понимание можно именно в плоскости коммуникативной компетенции (*Апель*, 2001).

Научное знание существует не только как объективированное значение, но и включает в себя перформативный (коммуникативный) модус языкового употребления: мы не просто сообщаем что-то кому-то, но говорим об этом так, чтобы нас понимали (*Хабермас*, 2001). Сама постановка, как и решение научных проблем основаны на коммуникативном употреблении языка. Отличие «понимающих» наук о человеке от естественнонаучных дисциплин состоит в том, что если в последних мы сталкиваемся с проблемами понимания лишь на метатеоретическом уровне, когда вступает в действие необходимость понимания исследователями друг друга, то в первых – имеем дело с необходимостью понимания уже на уровне сбора данных.

В контексте «коммуникативной рациональности» вопрос об истине и значимости познания перемещается из плоскости солипсистски рассматриваемого сознания – в плоскость языка и коммуникации. В качестве критерия истины, на который мы можем ориентироваться, выступает единство понимания в коммуникативном сообществе. Место сознания, которое всегда уже гарантирует intersубъективную значимость познания, занимает «регулятивный принцип критического установления консенсуса в одном идеальном коммуникативном сообществе, которое сперва должно быть выработано в некотором реальном коммуникативном сообществе» (*Апель*, 2001, с.260).

На наш взгляд, изложенные положения К.Апеля и Ю.Хабермаса имеют важные методологические следствия. Ориентируясь на коммуникативные критерии значимости, мы можем говорить об уровнях коммуникативных сообществ, на консенсус в которых следует опираться при оценке значимости и достоверности выдвигаемых интерпретативных ходов. С точки зрения С.Квале, в качестве уровней коммуникативных сообществ могут выступать сами исследуемые, с характерным для них самопониманием, широкое людское сообщество, ориентированное на критический здравый смысл, и профессиональное сообщество, обладающее теоретической компетенцией в соответствующей области (*Квале*, 2003).

В отличие от П.Уинча, в контексте размышлений К.Апеля «“квазиказуальное” объяснение на основе бессознательных мотивов» не нарушает герменевтического пафоса гуманитарной психологии. Применение «объясняющих» методов не обязательно означает подмену понимания методами естественных наук, – весь вопрос в том, чему служат подобные «объективации», стоят ли они на службе расширения горизонтов самопонимания изучаемых субъектов или нет.

Коммуникативная рациональность, понимаемая как возможная предпосылка гуманитарной парадигмы в психологии, открывает перспективу intersubjectивной оценки интерпретаций с опорой на регулятивный принцип консенсуса в коммуникативном сообществе. Опираясь на работы, упоминавшиеся выше, попробуем выделить возможные пути оценки значимости высказываний.

Во-первых, в качестве возможной опоры в процессе контроля интерпретативных действий может служить обращение к некоей имманентно присущей всем людям разумности – к тому, что может быть результатом консенсуса в безграничном коммуникативном сообществе. (Безусловно, здесь предполагается некий потенциальный предел, поскольку на деле рациональность представлена лишь культурными формами, социальными и политическими конвенциями и языком.) Предполагается, что владеющие языком субъекты способны среди произведенных высказываний отбирать те, которые имеют очевидную силу. Причем необходимо подчеркнуть, что оценка истинности высказываний должна быть абсолютно очищена от каких-либо властных компонентов, предполагающих «отбраковывание» утверждений на основе принципа социальной авторитетности лица, его высказывающего (*Хабермас, 2003; Polkinghorne, 1983; Salner, 1989*).

Человеческие существа как участники общего коммунального бытия, безусловно, разделяют друг с другом некое дотеоретическое, дорефлексивное «молчаливое» знание. Знание, получаемое в гуманитарной психологии, в некотором смысле подобно искусству, которое всегда имеет дело с уже известным и побуждает нас увидеть это имплицитно известное – в ясном свете сознания.

Однако, подчеркивая важность дотеоретического знания, необходимо затронуть один важный момент, на который, в частности, обратил внимание П.Рикер. В одной из своих работ он заметил, что валидность интерпретации не может ограничиваться лишь «молчаливым» знанием. Понимание опосредовано целым рядом объяснительных процедур, которые предшествуют и сопровождают его. Другими словами, понимание достигается через активность, посредством которой мы проверяем и критически оцениваем наши интуитивные и эмпатические отклики. Процесс интерпретации, по Рикеру, – аргументативная дисциплина, сравнимая с юридическими процедурами (*Salner, 1989*).

Во-первых, в свете коммуникативного понимания истины значение приобретает не столько валидность как контроль финального результата определенных действий, сколько валидизация как процесс, встроенный в само исследование и включающий в себя:

1) постоянную критическую оценку эмпирических оснований, свидетельствующих «за» и «против» интерпретации, а также теоретической связности и возможности иного рода интерпретативных ходов;

2) ясное осознание того, что именно и зачем исследуется (например, подходим ли мы к чему-либо с точки зрения внутреннего мира самого человека или пытаемся мыслить в психоаналитических терминах структуры личности);

3) теоретизирование, создание концептуальной рамки, восхождение к теории (*Квале*, 2003).

Во-вторых, путь к оценке научной значимости интерпретативных высказываний – рациональное использование принципа методологического плюрализма (*Квале*, 2003; *Polkighorne*, 1983; *Salner*, 1989). Мы уже говорили о том, что в свете постсовременных установок не существует единого метода, ведущего к единой абсолютной истине. Но это вовсе не означает, что все методы и все утверждения одинаково хороши и истинны. Речь идет просто об ограниченности и парциальности любой отдельно взятой методологии. Согласно теореме К.Геделя о неполноте дедуктивных систем, действительность шире любой описывающей ее системы. Поэтому для адекватного описания действительности необходимы несколько дополняющих друг друга языков. Эпистемологический плюрализм требует от исследователя способностей выходить в метапозицию, чтобы оценить возможности и ограничения любой парциальной методологии. Кроме того, исследователю необходимо находить и использовать такие стратегии, которые позволяют компенсировать эти ограничения.

Наконец, третий путь оценки компетентности утверждений связан с прагматическим критерием истины и носит название коррекции путем проб и ошибок (*Квале*, 2003; *Polkighorne*, 1983; *Salner*, 1989). Прагматический критерий означает, что истинным считается знание, приносящее практические плоды. Знание есть не столько наблюдение, сколько действие, способное приводить к желаемым результатам. Причем, в отличие от позитивизма, тоже имеющего дело с необходимостью получения изменений в функционировании системы, здесь эти изменения – не просто показатель некоторой гипотетической связи, но цель исследования.

На наш взгляд, прагматический критерий истины имеет прямое отношение к проекту психотехнического знания, который отстаивает, в частности, Ф.Е.Василюк и предметом которого является метод, т.е. способ работы с объектом, нащупанный в живом опыте (*Василюк*, 1998).

ЛИТЕРАТУРА

- Апель К.-О.* Трансформация философии. – М.: Логос, 2001.
- Бермус А.Г.* Естественнонаучная парадигма в психологии // Вопросы психологии, 1998, № 4.
- Братусь Б.С.* Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии, 1990, № 6, с.9-17.
- Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Психологическое консультирование и психотерапия. Хрестоматия, I том. – М.: Московский психотерапевтический журнал, 1998, с. 5-21.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Людвиг Витгенштейн Философские работы (Часть 1). – М.: Гнозис, 1994а, с.1-74.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Там же, 1994б, с.75-320.
- Волошинов В.Н.* Слово в жизни и слово в поэзии // М.М.Бахтин (под маской). – М.: Лабиринт, 2000, с.72-94.
- Воробьева Л.И.* Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии, 1995, № 2, с.19-30.
- Воробьева Л.И.* Субъект и/или автор (о категориях гуманитарной психологии) // Вопросы психологии, 2004, № 2, с.149-158.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, ЭКСМО, 2003, с.208-547.
- Гадамер Х.Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.
- Деннет Д.* Постмодернизм и истина: Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии, 2001, № 8, с.93-100.
- Джерджен К.Дж.* Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: Саморефлексия маргинальности. – М.: ИНИОН, 1995, с.51-73.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе. Собр. соч. в 6-ти тт. Том 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования. – М.: ИП РАН, 1994.
- Завершинева Е.Ю.* Принципы неопределенности и дополнителности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2001, № 4, с.67-77; 2002, № 1, с.75-80.
- Квале С.* Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003.
- Крипнер С., де Карвало Р.* Проблема метода в гуманистической психологии // Вопросы психологии, 1993, № 2, с.113-126.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: АСТ, Ермак, 2003.

- Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия Философия, 2003, № 3.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: УРСС, 2001.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Лабиринт, 1994.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. – М., 1972, с.28-94.
- Нидлмен Я.* Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. – М.: Рефл-Бук, Ваклер, 1999, с.221-332.
- Поппер К.* Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций: Сб. – М.: АСТ, Ермак, 2003, с.313-326.
- Психология и новые идеалы научности: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 1993, № 5, с.3-42.
- Степин В.С.* Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии, 2004, № 3, с.37-43.
- Степин В.С.* Основания науки и их социокультурная размерность // Научные и вненаучные формы мышления: Материалы симпозиума. – М.-Киль, 1996.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 2000.
- Столярова О.Е.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестник Московского университета. Серия Философия, 2003, № 3.
- Тхостов А.Ш.* Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.
- Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. – М: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Фридман Дж., Колбс Дж.* Конструирование иных реальностей. – М.: Класс, 2001.
- Хабермас Ю.* Реконструктивные и понимающие науки об обществе // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.
- Харре Р.* Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопросы философии, 1992, № 9, с.49-60.
- Хьюбнер К.* Критика научного разума. – М., 1994.
- Швырев В.С.* Берега рациональности (беседа с В.С.Швыревым) // Вопросы философии, 2004, № 2, с.113-126.
- Шоттер Дж.* М.М.Бахтин и Л.С.Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии, 1996, № 6, с.107-117.
- Эко У.* Открытое произведение. – СПб.: Академический проект, 2004.

- Юлина Н.С.* Деннет о вирусе постмодернизма: Полемика с Р.Рорти о сознании и реализме // вопросы философии, 2001, № 8, с.78-92.
- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 5, с.3-18.
- Issues of Validity in Qualitative Research / S.Kvale (Ed.). – Studentlitteratur, Chartwell-Bart, 1989.
- Polkinghorne D.* Changing Conversations about Human Science // Issues of Validity in Qualitative Research / S.Kvale (Ed.). – Studentlitteratur, Chartwell-Bart, 1989, p.13-46.
- Polkinghorne D.* Methodology for the Human Sciences. – Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1983.
- Salner M.* Validity in Human Science Research // Issues of Validity in Qualitative Research / S.Kvale (Ed.). – Studentlitteratur, Chartwell-Bart, 1989, p.47-71.
- Taylor C.* Interpretation and the Science of Man // Interpretive Social Science: A Reader / P.Rabinow & W.Sullivan (Eds.). – Berkeley: University of California Press, 1979, p.25-71.